

УДК 316.6+371.3

ОБРАЗОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТМОДЕРНА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Пилюгина Е.В.

В статье анализируется состояние образования в социальном пространстве постмодерна через призму постмодернистской философии; выявляются ключевые признаки современного образования: инфляция информации, рассогласованность информации и знаний, образования и реальности; фрагментаризация, инструментализация, операционализация, симуляция образования.

Ключевые слова: общество постмодерна, образование постмодерна, инфляция информации, симуляция реальности, симулякры.

EDUCATION IN SOCIAL POSTMODERN: TRENDS AND PROSPECTS

Pilyugina E.V.

The article analyzes the state of education in social postmodernity through the prism of post-modern philosophy; identifies the key characteristics of modern education: inflation information, disparity of information and knowledge, education and reality, the collapse of the fragments, instrumentalisation, operationalization and simulation of education.

Keywords: postmodern society, postmodern education, inflation information, simulation of reality, simulacrum.

Одним из важнейших социальных институтов является образование. Каждый исторический этап развития накладывал свой отпечаток на функции, форму, структуру образования, при сохранении, тем не менее, сущностного принципа: благодаря образованию осуществлялась преемственность поколений путем передачи накопленной информации. Отсюда, образование всегда выступало важнейшим конструктором социума и понималось как, прежде

всего, создание необходимого обществу образа человека, «образовывание» человека из проточеловека, возникновение, по выражению Аристотеля, «социального существа» [1, с. 797], выход за пределы данного, природного. Современность породила новый принцип социального, уже не противостоящего природному, но включающего природное и материальное в себя в виде определенного знакового поля, что убедительно показала постмодернистская философия в лице Ж. Бодрийера, Ж. Лиотара, Ж. Батая, Ж. Деррида.

Так по мысли французского философа Жана Бодрийера [см.: 2], современный мир – мир постмодерна, мир гиперсоциальности, погрузил человека в искусственно созданную разумом реальность. Причем, эта так называемая реальность, возможно, не имеет ничего общего с действительностью, так как является, прежде всего, реальностью знаков, символов, информации. Это виртуальная, симулированная реальность. Современное общество есть пространство симулякров – создаваемых посредством информационных технологий (Интернет, масс-медиа, маркетинг и реклама) желаемых образов реальности, под которые подстраивается и посредством которых, таким образом, конструируется собственно действительность.

Очевидно, что в таком сверхсоциализированном виртуальном пространстве препарируются все изначальные формы и институты человеческого бытия, преобразуется организация социального бытия как такового. Представители различных сфер гуманитарного знания отмечают концептуальную реорганизацию таких ключевых социальных институтов, как политика и семья, производство и религия. Но, думается, что кардинальные изменения именно в образовании, традиционно занимавшемся сохранением самой сущности, духа социальной жизни, наиболее показательны и всеобъемлющи. Масштабность и специфика этих изменений выдвигает на повестку дня главный вопрос – вопрос о модификации *смысла* образования в современности.

Итак, какова же ситуация образования в социальном пространстве постмодерна?

1. *Инфляция информации*. Современное общество, за которым в социально-гуманитарном знании закрепился термин «информационное», характеризуется переизбытком всего – товаров, услуг, но самое главное, информации. Сегодня уже не стоит проблема найти необходимый текстовый источник или сообщение: информационные технологии, Интернет, предоставляют неограниченный доступ к любой информации. Человечество, поистине, реализовало самую вожденную свободу – свободу мысли, возможность свободного плавания в океане информации, знать все обо всем и обо всех. Но именно эта свобода и безграничность информации стали новым вызовом современности: мир постмодерна оказался перенасыщен информацией. Перепроизводство информации способно проецировать такой же кризис, что и перепроизводство товаров; возможно, даже более масштабный, так как в этом случае затрагивается не какая-то одна сфера общества, а вся система социальной жизни, вся человеческая деятельность, в основе которой работа с потоками информации, рациональность. Если ранее информации всегда было меньше, чем реальности, сфера социума включала в себя сферу информации, то сегодня, фактически, эти области эквивалентны, а в перспективе возникает опасность аннигиляции реальности: виртуальность поглотит действительность.

Дело в том, что информация о реальности сама по себе способна конструировать реальность. Если все обо всем уже сказано, а сознание, как и природа, не терпит пустоты, остановить пульсацию мысли невозможно в принципе, то следующее слово вынуждено будет добавлять к реальности нечто сверх. В результате, сфера фактической реальности (реальности конкретных событий) окажется меньше, чем пространство информации об этих событиях. Это и есть *инфляция информации*, что неизбежно приводит к *обесцениванию информации*, и как следствие, недоверию людей к любым сообщениям.

Информация становится агрессивной по отношению к реальности, а чрезмерно увеличившийся выбор проецирует ситуацию отказа от выбора.

2. *Индифферентность выбору. Аннигиляция ценностей.* Когда индивид оказывается в ситуации чрезмерного выбора, ситуации общества-гипермаркета, проблема выбора приобретает остроту, так как в таком случае акцент переносится с внешнего на внутреннее, и вся ответственность за выбор ложится на самого индивида. Способен ли, готов ли, хочет ли человек принять такую ответственность? В предыдущем столетии философия экзистенциализма задумалась о драме выбора. Современная постмодернистская философия отмечает всеобщее стремление отказаться от выбора как такового. Отсюда, вероятно, индифферентность выпускников школ: даже хорошие учащиеся сегодня часто не способны сделать осознанный профессиональный выбор, полуавтоматически включаясь в воспроизводство студентов вне зависимости от предпочтений и склонностей.

Любой выбор предопределяет акцентирование на тех или иных фактах, и что особенно важно, на их связи и оценках. Но образование уже не является единственным, и даже основным источником информации. В результате, наиболее важные для социального воспроизводства потребители (и наиболее уязвимые) – дети, подростки, молодежь – втянуты в водоворот разнообразной, часто взаимно противоречивой информации. Думается, вряд ли в таких условиях смогут сформироваться устойчивые ориентиры, ценности; зато психологическая нестабильность и склонность к социальной девиации обеспечена. То есть, проблема информационного и профессионального выбора – это, прежде всего, аксиологическая проблема, проблема наличных стандартов, образцов, соизмеряясь с которыми человек смог бы определиться. Это, также, и технологическая проблема: многие (и взрослые, а тем более молодые люди) просто не готовы (или недостаточно готовы) к плаванию в бурных потоках информации, то есть, неспособны выбрать необходимую, наиболее значимую, а также, безопасную информацию.

3. *Рассогласованность информации и знаний*. Выбор предполагает какое-то осмысление. Сегодняшние же потоки информации так насыщены и динамичны, что времени, чтобы остановиться и обдумать выбор, часто нет. Во многих случаях информация усваивается поверхностно. Очевидно, что такая информация вряд ли будет ассоциироваться *со знанием*, и, значит, влиять на глубинные пласты человеческого *сознания*, участвовать в личностном формировании. То есть, как отмечал уже Ж. Лиотар в ключевой для понимания современной социальной ситуации работе «Состояние постмодерна. Доклад о знании», «старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования (*Bildung*) разума и даже от самой личности, выходит из употребления» [3, с. 17]. Ж. Бодрийяр пессимистично добавил: «Мы находимся в мире, в котором становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [2, с. 48]. Происходит дефляция смысла – как информации, так и производящих ее структур.

4. *Функционализация и операционализация образования*. Сегодня информированный человек вовсе не обязательно действительно знающий и уж, конечно, не претендует на роль интеллектуала или интеллигента. Как та банка с кока-колой – наполненность есть, нет пользы от этой наполненности. Точнее, польза информации трактуется сугубо прагматически, как эффективность использования для конкретных частных действий, как функциональность и оперативность. Такая информация не производит мысль, она закончена, когда реализована ее функция. А ведь непрерывная цепочка мыслей, каждая из которых рождает следующую именно потому, что не завершена, и есть наше сознание. Для развития необходимо «чувство недостаточности», именно оно является мощнейшим стимулом движения и бытия. В противном случае мы получаем субъекта, медленно, но неизбежно впадающего в психоз от переизбытка бесполезной (не совпадающей со знанием, не способной к дальнейшему развитию) информации. Перепроизводство информации проецирует нестабильность человеческого бытия, как внутреннего (психического), так и внешнего (в социуме).

Происходит рассогласование существования и сущности. Если ранее сущность как потенция неизмеримо превосходила реализацию, человек всегда потенциально был больше, чем он мог осуществить, то сегодня осуществление (понимаемое узко, как способность к определенным операциям и функциональность) превосходит сущность.

5. *Ритуализм*. Американским социологом Р. Мертоном такая ситуация была обозначена как ритуализм – вариант социальной девиации, характеризующийся рассогласованием целей и средств в поведении человека, при котором значимые социальные цели отвергаются, а одобряемые обществом средства продолжают функционировать [4, с. 302]. Сегодня ритуализм приобрел массовый характер: не отдельный индивид, а все общество движется по инерции, неизвестно куда и зачем. Не признаются значимыми уже не только частные цели; обесценивается сущность социальной жизни в целом. Распространяется устойчивая точка зрения, что образование, например, вовсе не обязательно способствует профессиональному самоопределению, карьерному росту или самовыражению и вообще, возможно, никак не влияет на «образовывание» – создание социально значимого образа человека. Влияет реклама, симулирующая образы, в том числе, образования, «образованного человека», вуза, студента, профессора и т.д.

6. *Деинституционализация и инструментализация образования*. Происходит деинституционализация социума – социальные институты уже не могут квалифицироваться как таковые, не являясь носителями устойчивых социальных норм. Культурные аттракторы разрушаются.

Образование перестает быть социальным институтом, потому что уже не создает, не воспроизводит и не передает устойчивые образцы социального поведения, уступая место масс-медиа и Интернет. Фактически, если ранее образование использовало различные инструменты (приемы, способы) для реализации, то сегодняшнее образование само стало инструментом для участников социальной деятельности, приобретшей форму особых дискурсивных практик. Наличное образование предполагает возможность

субъекта участвовать в тех или иных дискурсах (политических, медийных, этнических, гендерных и т.д.), а также характер этого участия (роль в симуляции того, что в последствие будет признано как реальность); то есть, становится прикладной отраслью, или даже качеством социального субъекта, наряду, скажем, с коммуникабельностью или инициативностью. Показателем инструментализации образования являются, например, система всеобщего экзаменационного тестирования, дистанционные технологии в образовании.

7. *Симуляция образования.* Образованный человек сегодня является всего лишь более функциональным и операбельным винтиком социальной системы, чем человек необразованный. Функциональность и операбельность подтверждается маркировкой – наличием соответствующего диплома или аттестата. Современное социальное пространство все более охватывает маркировочная лихорадка, – документальное «освидетельствование» образования человека без собственно образования, получение дипломов, симулирующих множество полученных профессий. Приобретенные «образования» вовсе не предполагают широту взглядов, – всего лишь разнообразие функций, иногда совершенно не связанных друг с другом и фрагментарных. Само понятие «образованный человек» постепенно изымается из обихода, ведь «образованность» предполагает некую «целостность» (мировоззрения) и «цельность» (личности). Современная же социальная среда крайне фрагментирована; потоки информации связывают отдельные фрагменты бытия, но эти потоки так широки и разнообразны, что освоить их во всей полноте (и, значит, взаимосвязи) не под силу ни одному индивиду. Отсюда, информация усваивается выборочно; информационное поле каждого отдельного субъекта предстает как фрагментированное пространство со своими фракталами-разломами, лакунами-пустотами, функционально значимыми акцентами. Несмотря на непрерывное насыщение информацией, человек распадается – как личность, как полноценный социальный субъект.

Смысл образования сегодня видится в ... самом образовании. (Сегодняшние студенты на вопрос о том, зачем получают высшее образование,

отвечают, нередко: «просто, чтобы было»). Образование теряет свой статусный характер и становится дискурсом среди дискурсов, а «смысл дискурса в самом дискурсе... других смыслов он не несет» [2, с. 48]. Именно поэтому (а вовсе не потому, что западный тип образования лучше или эффективнее), чтобы участвовать «на равных» в дискурсах с Западом и иными субъектами глобализирующегося мира, была проведена реформа высшего образования в России, практически, заменившая традиционный (со времен Петра I) специалитет с установкой на «образование вглубь» на западную систему бакалавриат-магистратура с ориентацией на «образование вширь».

8. *Фрагментаризация образования.* Фрагментарность отличает как содержание современного образования (качество усвоения информации), так и его организацию. Различные уровни образования сегодня мало связаны друг другом: начальная и средняя школа, вуз уже не являются на практике ступенями единого образования, выступая, скорее, как фрагменты жизни с определенными связями-контактами между ними. Введение единого государственного экзамена в России – это попытка заместить сущностное и организационное единство образования функциональными связями. Но уже сейчас приходится констатировать, что «среднее полное образование» как некая универсальная категория, фактически, в России перестала существовать: выпускники средне-профессиональных и, особенно, начально-профессиональных учебных заведений, которых не готовят так целенаправленно к сдаче ЕГЭ, как в школах, оказались на периферии образовательного пространства. Это означает, ни больше, ни меньше, как образовательную сегрегацию.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что перечисленные признаки современного образования, как и в целом, социальной жизни, свидетельствуют о формировании неких тенденций, которые необходимо учитывать при организации различных фрагментов социума. Мир (особенно, не западный) находится в начале эры постмодерна, еще есть время подготовиться: прежде всего, осознать происходящие концептуальные изменения социальной жизни.

Смысл социальной жизни сегодня уже не в том, что она позволяет освободиться от природного или реализовать духовный, творческий потенциал человека, а в том, что иной способ бытия для человека попросту не возможен. Смысл общества в самом обществе, в тех знаках социальной реальности, которые не даны изначально, но присваиваются человеком. Соответственно, смысл современного образования – не столько передавать уже произведенные знаки реальности, осуществляя преемственность в их усвоении, сколько развивать умения, способность создавать новые знаки и, вообще, представлять реальность именно в знаковом контексте. В прагматическом смысле, основной акцент образования будущего – не знания, а умения. И это умения, прежде всего, работать с информацией. Использовать, организовывать, манипулировать, отсекают нежелательную информацию. Но, самое главное, воспринимать информацию не фундаментально, не содержательно, а с точки зрения ее прикладного характера, технологически. Видеть в информации не прозрачное отражение реальности и даже не обязательно символ реальности, но «поле симулякров» как некое пространство «игры в реальность»; изучать и использовать правила этой игры как единственно возможного способа бытия в постмодерновом обществе.

Список литературы:

1. Аристотель. Никомахова этика // Философы Греции. Основы основ: логика, физика, этика / Пер. Н. Брагинской. М.: Эксмо-Пресс, 1999. С. 793-1027.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс] // Lib.ru: «Современная литература» [сайт]. 31.03.2011. URL: <https://bit.ly/3EXmWii> (дата обращения: 20.08.2013).
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
4. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299-313.

Сведения об авторе:

Пилюгина Елена Владимировна – кандидат философских наук, директор представительства Российского нового университета (Москва); доцент кафедры общеобразовательных и гуманитарных дисциплин Железногорского филиала Московского психолого-социального института; докторант Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

Data about the author:

Pilyugina Elena Vladimirovna – Candidate of Philosophical Sciences, Director of Representation, the Russian New University (Moscow); Associate Professor of General Education and Humanitarian Disciplines Department, Zheleznogorsk Branch of the Moscow Psychological-Social Institute; Doctoral Candidate of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

E-mail: elenavpilugina@yandex.ru.